

Мильчиная
Вера

В сравнении познается все. Или почти все

«Маленькие» истории Веры Мильчиной

Известия - 2004 - 3 марта - с. 9

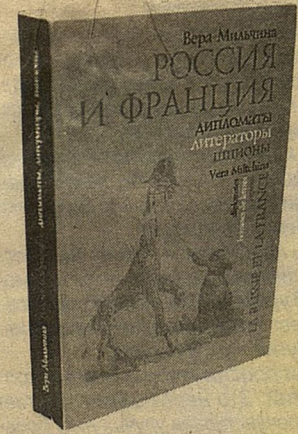
Книга «Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы» Веры Мильчиной относится к тем отрадным явлениям отечественного издательского дела, которые если и не вселяют в сердце уверенность в завтрашнем дне, то по крайней мере позволяют не столь печально смотреть на день настоящий.

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Вера Мильчина известна в первую очередь как переводчик с французского. В ее переводах публиковались «Физиология брака», «Урсула Мируэ», «Изнанка современной истории», «Монография о парижской прессе» О. де Бальзака, «Замогильные записки» Ф.Р. де Шатобриана (совместно с Ольгой Гринберг), «Россия в 1839 году» А. де Кюстина (совместно с Ольгой Гринберг, Ириной Стаф, Сергеем Зенкиным) и другие замечательные произведения французских писателей и историков. Впрочем, сама Мильчина считает себя

«не чистым» переводчиком». И правильно считает.

«Чистый» переводчик это даже не толмач, делающий чужую непонятную речь более или менее разумеваемой и доступной. «Чистый» переводчик в лучшем случае более или менее грамотно «калькирует» иностранный текст, не вдаваясь в подробности. Мильчина, как правило, не ограничивается переводом (как, например, в книге «Россия в 1839 году»), а снабжает его примечаниями, комментариями. Ведь реалии иностранной жизни тоже нуждаются в «переводе». Из таких примечаний, комментариев, толкований и вырос сборник статей «Россия и Франция». Или «маленькие» ис-

тории (сюжеты из области «микро-истории», если использовать термин, к которому прибегает сам автор) Веры Мильчиной. К большой истории они, правда, имеют самое непосредственное отношение. К ис-

тории XIX века. Ведь большая часть переведенного Мильчиной относится к литературе XIX столетия, причем к его первой половине.

Вот не называл император Николай I французского короля Луи Филиппа «любезнейшим братом». А до этого Карл X предупреждал о губительных последствиях государственного переворота, о чем свидетельствуют донесения французских дипломатов. И из этих вроде бы незначительных частностей вытекает, что «не самодурство, но педантическое стремление соблюдать установленные прежде правила и законы, хороши они или дурны, нравятся они действующим лицам и сторонним наблюдателям или нет, — вот главная черта Николая I». Или впечатления, вроде бы вполне частные, Александра Тургенева от посещения собраний сенсимонистов, во многом меняющие взгляд на эту «секту» (и действительно секту). Я

не говорю уже о фантастически любопытной истории двойного агента и французского журналиста Шарля Дюрана в немецком городе Франкфурте. Или статей, относящихся к пушкинской тематике. Здесь вообще все очень интересно.

Скажем, никому не приходило в голову внимательно прочесть роман Альфонса Карра «Под липами» и тем самым понять, почему этого самого Карра Пушкин предпочитает Бальзаку. А Мильчина прочла. И фрагменты перевела. И объяснила предпочтения Пушкина.

Собственно, в этом равном внимании к двум культурам — русской и французской — одно из главных достоинств Мильчиной. Историки (историки литературы в первую очередь, и в самую первую — пушкинисты), как правило, не знают французской культуры (и французского языка). Те, кто занимается историей Франции и французской ли-

тературой, в большинстве своем далеки от проблем отечественной историографии, литературы (и пушкинистики, разумеется). А главное, совсем мало кто занимается внимательным комментированием, отличается педантичным отношением к деталям, фактам, именам. С тем вниманием, которое заставляет обращаться к архивам (русским и французским), письмам, рукописям. Мильчина — одна из немногих. Если не единственная. И, кстати говоря, если кто издаст и откомментирует богатейшее эпистолярное наследие Александра Тургенева, так это Вера Мильчина. Тем более что, по ее собственному признанию, статьи сборника «Россия и Франция» обязаны своим существованием Александру Тургеневу.

Вера Мильчина. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. — СПб.: Гиперион, 2004. — 528 с.

2004